

Поиск нужно продолжить

(окончание)¹

Итак, практически ничего не было известно о погибшем в блокаду молодом дирижере Астрове. В списке консерваторцев — жертв 900-дневной эпопеи он числился даже без инициалов. Случайно встретившееся среди документов Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) упоминание музыканта позволило выяснить многое: он был представлен двумя фамилиями: **Астров — Жеребцов**. И, если в ходе моих поисков сотрудники консерваторского хранилища личных дел ничем не могли помочь в отношении Астрова, то на Жеребцова, как оказалось, еще много лет назад была заведена отдельная папочка, которая, во время очередного визита, и оказалась в моих руках. На ее страницах отразились основные вехи предвоенной жизни дирижера.

Василий Денисович Жеребцов родился 26 января 1912 года (отец был *Дионисием*, но себя будущий музыкант неизменно называл *Денисовичем*). Осенью 1925 года он был принят в хоровой техникум Капеллы, изучал и музыкальные, и общеобразовательные предметы (музыкальную грамоту, игру на рояле, хоровое пение, обучался в классе трубы и т.д.). В числе его наставников были А.А. Егоров и П.А. Богданов (эти имена бывшие капеллыцы произносят с особой интонацией, сочетающей глубокое уважение, почтение, благодарность). Класс трубы он окончил у Б.А. Федотова. В свидетельстве об окончании хорового техникума, подписанном выдающимся хормейстером М.Г. Климовым (руководимая им Капелла только что вернулась с триумфальных гастролей за рубежом), отмечено, что Жеребцов «признан вполне достойным квалификации дирижера хора и преподавателя хорового пения». Документ выдан в июне 1929 года. К тому времени музыкант уже в течение нескольких месяцев работал как трубач в оркестрах системы Совкино (выступления перед киносеансами).

Его ближайшей целью была консерватория. Сначала он просил принять его на музыковедческое отделение, затем — на оркестровое (в класс трубы), но, как видно из документов, мечтал он о карьере дирижера. В 1933 году в консерваторской характеристике студента оркестрового отделения Жеребцова отмечалось:

«Музыкально одаренный человек, хорошо владеет роялем, имеет дирижерские способности и некоторый в этом отношении опыт. По специальности — труба — в 1932/33 уч. году не занимался, в настоящем, 1933/34 уч. году начал занятия с ноября месяца, вследствие чего специальность находится в запущенном состоянии, но данные имеются хорошие.

Зав. кафедрой А. Гордон».

Труба так и осталась на дальнем плане. В справке от мая 1938 года Жеребцов назван студентом V курса *дирижерского* отделения и добавлено, что он «объявляется отличником учебы» (подписал зав. дирижерским отделением Л.Е. Аб). В другой справке того же периода отмечено, что он «сдал все предметы по учебному плану за V курс на отлично и приказом по консерватории назначен на Гос. экзамен в октябрьскую сессию 1938 года».

Однако талантливый юноша не торопится покидать стены родного вуза. Видя себя в близком будущем крупным дирижером-симфонистом (перед глазами была блестящая карьера Е.А. Мравинского), он хочет продолжить совершенствоваться еще в течение года. «Занимаясь в классе профессора С.В. Ельцина только 2,1/2 года, я не выполнил пятигодичного учебного плана, и поэтому к окончанию консерватории не готов. Кроме того, желая стать *симфоническим* дирижером (о чем напоминал заявлениями и в 1935 и в 1936 гг.), я за все пребывание в консерватории *ни разу* не дирижировал ни одним (крупным или мелким) симфоническим произведением. Убедительно прошу, *оставив* меня еще на один год, содействовать моему занятию дирижированием *с симфоническим уклоном*», — писал юноша к декану дирижерского факультета Н.З. Хейфецу. В конце стояла подпись: В. Жеребцов (Астров) — музыкант переходил на более благозвучную фамилию.

Заявление поддержали. С.В. Ельцин нашел его «убедительно мотивированным» и добавил, что выпуск студента в текущем году «помешал бы законченности его дирижерского мастерства». Н.З. Хейфец также счел возможным удовлетворить просьбу молодого музыканта, подчеркнув: «До сего времени т. Жеребцов (Астров) зарекомендовал себя не только исключительно исполнительным по академической линии, но и незаурядно одаренным дирижером. Его серьезность и сознательность в своей работе гарантируют, что его просьба является результатом серьезных и конкретных намерений, осуществление которых поможет Астрову стать еще более зрелым и крепким специалистом». В таком же тоне высказались профессора Л.Е. Аб и Р.И. Мервольф. Профессор М.О. Штейнберг — в те годы один из руководителей консерватории — наложил разрешающую резолюцию.

Год прошел в интенсивной работе. К состоявшемуся 13 мая 1939 года госэкзамену дирижер имел в творческом багаже выступления в оперном репертуаре (отрывки из опер Моцарта на концерте, «Каменный гость» Даргомыжского в Оперной студии, с которым, как свидетельствовал Н.З. Хейфец, Астров

¹ Начало см. в предыдущем номере журнала.

«очень хорошо справился»). Он был также отмечен премией на дирижерском конкурсе в филармонии.

На госэкзамене молодой музыкант и предоставленный в его распоряжение филармонический оркестр показали «Франческу да Римини» Чайковского (приближалось столетие со дня рождения великого композитора) и финал симфонии Мурадели «Памяти Кирова» (необходимое произведение советского автора).

В ЦГАЛИ СПб хранится интереснейший для нашей темы документ — протокол заседания, на котором обсуждалось выступление Астрова — Жеребцова². Собрались опытные специалисты своего дела. Председательствовал профессор Б.Э. Хайкин, присутствовали директор консерватории профессор П.А. Серебряков, заведующий дирижерской кафедрой профессор И.О. Брик, профессора Н.З. Хейфец, С.В. Ельцин (руководитель дипломанта), Н.С. Рабинович, И.Э. Шерман, Р.И. Мервольф, ассистент И.М. Альтерман.

В высказываниях рельефно предстает музыкальный облик экзаменовавшегося. В то же время, как это обычно бывает, в словах членов «жюри» слышатся и субъективные нотки.

Астрова оценивали строго. На следующем за специальностью экзамене «по чтению партитур и симфонической и оперной литературе» в протоколе даже было отражено особое мнение Н.С. Рабиновича: «Считаю оценки данного зачета, кроме Астрова, завышенными»³.

Что же говорили об Астрове-дирижере? Первым взял слово руководитель:

«Для этого студента характерно состояние непрерывного роста. Он жаден к знанию, пытлив, у него хорошие дирижерские данные, фигура, ярко выраженная воля. Не боится экспериментировать. Обещает вырасти в крупную фигуру на дирижерском фронте».

Добавив, что «есть, конечно, у него дефекты роста, юношеские недочеты», С.В. Ельцин все же предложил оценку «отлично».

И.О. Брик не согласился: «Он способный, трудолюбивый, настойчивый музыкант. Но руки его исковерканы. Меня удивляет, что С.В. Ельцин не обратил на это внимания. Недостаток этот мешает ему дирижировать. Ему нужно отделаться от экстравагантности. У него есть надуманность и мало простоты. <...> Предлагаю оценку “хорошо”».

Н.З. Хейфец: «Есть у Астрова манерность, но это не результат самоуверенности, а, скорее, наоборот — следствие постоянных сомнений. <...> Астров себя хорошо проявил уже давно. <...> Я не думаю, что поощрение ему повредит, оно может быть ему только на пользу».

Н.С. Рабинович: «Вопрос об Астрове очень сложен. Человек очень одаренный, пытливый, интересующийся. Вместе с тем в искусстве, помимо одаренности, большую роль играет этический момент. Но именно с этой стороны Астров возмущает (неискренность лирической части “Франчески”, физиологический подход к партитуре). В симфонии Мурадели он не использовал естественных ресурсов, которые ему дает фигура. Его достоинства бесспорны, а недостатки возмутительны. Оркестр Филармонии

на производственном совещании указывал на “богемность” его внешней манеры дирижирования. Если ему не сделать всех указаний, он попадет на вредный путь».

О том, что «в основе исполнения лежит физиологическое воздействие на аудиторию» говорил и П.А. Серебряков. Поясняя свою мысль, он привел сравнение: «Таким же образом действуют на аудиторию и тенора, имеющие совершенно своеобразный “физиологический” успех». В этом — «большой недостаток» Астрова.

И.М. Альтерман попытался разредить атмосферу: «Мы пошли по пути очень высоких требований, выходящих за пределы консерватории», — заметил он и высказался за «отлично».

Однако обсуждение все же склонялось не в пользу дипломанта. И.Э. Шерман: «Астров производил очень хорошее впечатление до экзамена. На экзамене — резко отрицательное. Его интерпретация Чайковского чисто физиологическая».

Р.И. Мервольф: «Очень хороший, культурный музыкант. Очень знающий. Его интерпретация Мурадели мне очень понравилась, а “Франческа” возмутила».

Л.Е. Аб: «Астров очень яркая и противоречивая фигура. Чувствует оркестр хорошо, музыкант отличный, но недостатки его также очень ярки». Так, во «Франческе» «неприятна иногда претенциозная “отсебятина”».

Вновь взявший слово Ельцин резонно заметил: «Самый характер прений показывает, что мы имеем дело с выдающимся явлением».

Не устроивший некоторых членов комиссии темп, взятый во «Франческе», «вполне соответствует поставленной дирижером задаче». Речь должна идти «о задаче, поставленной автором [т.е. Чайковским] и вузом», — вклинулся Б.Э. Хайкин.

«Я говорю, — продолжил Ельцин, — о праве пересмотра традиционной трактовки Чайковского. <...> С профессиональной стороны я за него спокоен. То, что он ищет новое, не беда. Он будет, конечно, заблуждаться. Однако явление он редкое».

Хайкин: «Необходимо к нему предъявлять настоящие требования. Он совершенно не показал себя как художник в исполнении “Франчески”. Он не заметил поэтической стороны поэмы. Он только хлестал по всем фортиссимо, как лихач. Рисунок у него плохой. С таким рисунком синкопы выходили благополучно только потому, что играл оркестр Филармонии». Заключительная фраза выглядит несколько неожиданно: «Выпуская такого студента, консерватория должна проследить за его дальнейшей судьбой». На это Брик тут же предложил оставить Астрова в аспирантуре.

По результатам госэкзаменов Астрову была присуждена квалификация дирижера оперы и симфонического оркестра. Диплом об этом был выдан в 1941 году. Приложенная к диплому выписка из зачетной ведомости впечатляет — все учебные дисциплины сданы на «отлично»: специальность (дирижирование), анализ музыкальных форм, чтение партитур, техника струнной группы, общий курс фортепиано, а также экономическая политика и конституция СССР.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 4. Д. 204. Л. 37–39. Далее я привожу фрагменты из высказываний.

³ Там же. Л. 45. (То есть в отношении к Астрову отмечена определенная пристрастность).

Таков в общих чертах путь Жеребцова (Астрова) до рокового лета 1941 года. В музыкальную жизнь Ленинграда входил ярко одаренный, зрелый, ищущий, в какой-то степени экстравагантный дирижер большого масштаба. Он был замечен: в конце 30-х годов его пригласили встать во главе симфонического оркестра Театра Краснознаменного Балтийского флота. Открытые концерты этого коллектива запомнились слушателям (в частности, удивляло отсутствие пультов — Астров требовал играть наизусть, называя свой коллектив «оркестром без пультов»⁴).

С началом войны театр, ранее базировавшийся в Кронштадте, а затем в Таллине, был переведен в Ленинград (трагическая эвакуация из Таллина под непрерывными бомбежками фашистских самолетов осталась в памяти артистов на всю жизнь). В критические дни зимы 1941/42 года оркестр расформировали, музыкантов отправили на фронт. Астро-

ва решили оставить в городе. В хорошем дирижере особенно нуждался Театр музыкальной комедии. Сохранились скудные свидетельства о его работе там. Вообще в биографии музыканта еще много белых пятен. Есть они и в последнем периоде его жизни. (Поиск нужно продолжить. Предлагаю молодым консерваторцам сделать это). В один из дней страшной блокадной зимы Жеребцов (Астров) был найден мертвым в своей квартире в здании Капеллы.

В блокадном кольце погибли и многие упоминавшиеся выше музыканты — профессора консерватории Л.Е. Аб, И.О. Брик, А.Б. Гордон, Р.И. Мервольф, Н.З. Хейфец. Музыкальная культура нашего города в ходе войны понесла невосполнимые потери. Ушедшие люди еще многое могли бы сделать для нее. Нам же остается лишь одно — помнить о них, поддерживать связь времен...

---

⁴ В параллель имевшимся «оркестрам без дирижера».